

БИРУТЕ СИНОЧКИНА

Вильнюсский университет

Еще раз о передаче литовских имен собственных в русском тексте

Корректная передача имен собственных (и близких к ним слов, обозначающих безэквивалентные национально-специфические реалии) одного языка графическими средствами другого всегда представляет собой довольно сложную задачу. Не является исключением и употребление литовских имен и фамилий, а также географических и иных непередаваемых названий в текстах на русском языке. Как известно, для включения иноязычных слов в текст на данном языке применяется практическая транскрипция, цель которой — передать по возможности неискаженным звуковой облик транскрибируемых слов с учетом написания в оригинале и сложившихся традиций. Важность звуковой оболочки в передаче ономастики обусловлена своеобразием семиотической природы имен собственных: в отличие от нарицательных, для которых существеннее значение, они называют индивидуальные объекты непосредственно, минуя ступень представления или общего понятия [Гиляревский, Старостин 1985, 4–5].

Основные принципы практической транскрипции графическими средствами русского языка были сформулированы уже в 30-е гг. прошлого века, а сам термин был впервые употреблен в работе А. В. Сухотина, который справедливо отмечал, что “в основу практической транскрипции должен быть положен принцип отражения средствами нормального русского алфавита не изолированных звуков, а фонетических систем конкретных языков, с учетом принятой в каждом языке графики, а также междуязыковых соответствий. <...> Нужно систему звуковых противопоставлений транскрибируемого языка по возможности отразить системой звуковых противопоставлений русского языка и русскими буквами” [1935, 144–145]. Норма передачи заимствуемых слов “бесповоротно решила вопрос в пользу произношения”, но “не без некоторых небольших реверансов в сторону написания” [Щерба 1958, 153].

Практическая транскрипция, в отличие от строгой фонетической, не претендует на точную передачу звучания транскрибируемого слова, поскольку этого нельзя добиться использованием исключительно букв алфавита того языка, для нужд которого осуществляется транскрипция, без введения дополнительных букв или особых диакритических знаков. Практическое транскрибирование допускает лишь некоторые отклонения от принятой в данном языке орфографической системы, необычные положения и сочетания букв (см. подробнее в [Суперанская 1978]). Так, в русской передаче транскрибированных литовских слов возможно употребление букв **ю, я** после шипящих и **ц** (*Чюрлёнис, Аникцияй, Мицюнай*), написание **й** перед **и, о** (*Йонас, Науининкай*), сочетание букв **юо** (*Юозас, Юодкранте*) и т. п. Подобное непривычное для русского языка употребление букв при транскрибировании литовских имен и фамилий, географических названий является неизбежным и объясняется различиями в фонетических системах литовского и русского языков. Так, в русском языке шипящие [ж], [ш] и свистящий [ц] — всегда твердые, а [ч] и [щ] — всегда мягкие, поэтому традиционное написание после этих графем тех или иных букв практически не сказывается на произношении (ср. *брошюра*). В литовском же языке шипящие являются парными по мягкости/твердости и могут этим своим качеством различать слова (ср., напр., разные фамилии *Žukaitis* и *Žiukaitis*, слова *šauliai* ‘стрелки’ и *Šiauliai* (название города)). Нарушение русской орфографической традиции, таким образом, оправдывается стремлением более точно передать средствами русской графики аутентичное звучание литовского слова (*Жюгжда, Кайшиядорис, Поцюнас*).

Литовские имена собственные в русском тексте могут вести себя не совсем так, как того требует русская грамматика. В соответствии с местной нормой русского языка, устоявшейся в пределах Литвы, здесь говорят и пишут *Я живу в Шяуляй; Он подошел к Нерис*. В первом случае название города *Шяуляй* воспринимается как существительное *pluralia tantum* (обладающее лишь формами множественного числа, ср. старый русифицированный вариант названия этого города — *Шавли*), что препятствует его склонению по образцу существительных единственного числа, во втором — название реки *Нерис* понимается как существительное женского рода. В обоих случаях нормы русской грамматики нарушаются в силу того, что сквозь русское слово как бы “просвечивает” его литовский прообраз с присущими ему грамматическими категориями. В текстах же, созданных и/или опубликованных за пределами Литвы, можно встретить варианты (верные с точки зрения русской грамматики) *в Шяуляе* (ср. *в Кустанае*) и *к Нерису* (ср. *к Днепру*). Варьирова-

ние грамматической интерпретации транскрибированных литовских географических названий в русском тексте в свое время было подробно проанализировано в [Синочкина 1990].

Практическая транскрипция, передающая лишь приблизительное звучание, порой предполагает вариативные решения графической передачи транскрибируемого слова. Возможность различной передачи литовских имен собственных в русском тексте в советское время, когда все литовские надписи, в том числе на географических картах, дублировались на русском языке, а имя, отчество (имя отца) и фамилия человека в паспорте и иных удостоверяющих личность документах также фиксировались по-литовски и по-русски, наличие разночтений было крайне нежелательным. В целях устранения разнобоя в русском написании литовских имен собственных в Литве неоднократно массовым тиражом издавались инструкции по их транскрибированию (см. ИН-72, ИН-85¹ и ИН-90), утвержденные на самом высоком уровне и обязательные для соблюдения. Так, в ИН-72 указывалось: “Настоящая Инструкция предназначена для всех организаций, учреждений и лиц, которые в своей повседневной деятельности сталкиваются с передачей фамилий, имен и отчеств с русского языка на литовский язык и с литовского языка на русский язык в документах (паспортах, билетах, удостоверениях и т. д.) и вообще в текстах различного содержания и назначения” [57]. В ИН-85 также отмечалось, что она “имеет целью устранение разнобоя, существующего до сих пор в практической передаче фамилий, имен и отчеств с русского языка на литовский язык и с литовского языка на русский язык” [71]. Издание ИН-90 свидетельствовало о том, что этот досадный разнобой при транскрибировании двум предшествующим циркулярам изжить не удалось. ИН-90 была наиболее строгой по формулировке целей и задач и, как мы убедимся далее, наиболее жесткой в допускаемых литовско-русских соответствиях. В этом прескриптивном документе в самом начале сообщалось: “Инструкция обязательна для всех министерств, ведомств, учреждений, организаций, редакций и издательств” [2]. От предшествующих документов ИН-90 выгодно отличал тот факт, что она различала отчество в русском языке и имя отца — в литовском, а также стремилась упорядочить не только написание географических названий, которые в принципе транскрибируются так же, как и личные имена людей, но и впервые в печатном виде предложила правила образования русских прилагательных от литовских топонимов посредством суффикса *-ск-*, а также узаконила форму транскрибированного литовского слова в названиях улиц, площадей и т.п. В данном отношении ИН-90 в основном шла за сложившейся в Литве ре-

чевой практикой. Так, оттопонимические прилагательные от двусложных литовских названий предлагается образовывать, присоединяя формант *-ский* непосредственно к форме именительного падежа литовского наименования (*Дукитас* — *Дукитасский*, *Луоке* — *Луокеский*). Если же имя прилагательное образуется от многосложного литовского названия (состоящего из трех и более слогов), то данный формант присоединяется к основе литовского слова (*Пакальнишкяй* — *Пакальнишкский*, *Вилиямполе* — *Вилиямпольский*). На практике в случае, если подобное словообразование порождает труднопроизносимое слово, в производном прилагательном нередко также оставляют литовское окончание, что дает варианты типа *Расейняй* — *Расейнский* и *Расейняйский*². В ИН-90 исключение делается только для многосложных географических названий с ударяемыми окончаниями *-ai*, *-iai* и *-us*: *Катајаї* — *Камаяй* — *Камаяйский*, *Zarasaĩ* — *Зарасай* — *Зарасайский* [133–134], однако сам факт употребления оттопонимических прилагательных, включающих в свой состав окончания литовского онима (*Зарасайский*, *Алитусский*), может поддерживать образование прилагательных по данной модели и от литовских топонимов с безударными окончаниями³. После русского *л*, который перед формантом *-ский* всегда произносится мягко, пишется *ь*: *Рамигала* — *Рамигальский* [135].

Помимо инструкций по транскрибированию, обязательных к соблюдению на территории Литвы, в прошлом издавались также общесоюзные инструкции по русской передаче литовских географических названий, которые утверждались Главным управлением геодезии и картографии при Совете Министров СССР (см., напр., ИН-71), которые в настоящей статье рассматриваться не будут.

С тех давних пор многое изменилось кардинальным образом. Литва восстановила государственную независимость, соответственно изменился и статус русского языка, который стал иностранным и языком одного из национальных меньшинств. В Литовской Республике сведения в паспорте граждан записываются литовскими буквами, имя (имена) и фамилия — по двучленной антропонимической модели — согласно правилам, установленным правовыми актами, регламентирующими написание имен и фамилий в удостоверениях личности. Фиксация имен и фамилий граждан Литовской Республики кириллицей, утратившая официальный характер, не является более объектом жесткой регламентации, не подлежат стандартизации и кириллические написания литовских географических и прочих названий, которые уже не сопровождают в обязательном порядке оригинальные литовские наименования. Соответственно и все выходящие в Литовской Республике право-

вые акты и инструкции касаются отныне лишь литовского написания имен собственных.

Из справочных изданий последнего времени, затрагивающих проблемы практической транскрипции литовских имен собственных, нам известен лишь полезный в целом терминологический словарь (ТС) “Исследования стран Балтии”, содержащий инструкцию рекомендательного характера, которая предусматривает максимально унифицированную передачу литовских звуков кириллицей (например, литовское *e* после согласного — всегда через русскую *e*, вне зависимости от ударности/безударности), а при грамматическом оформлении литовских топонимов в русском тексте предлагает руководствоваться исключительно нормами русской грамматики. Ср.: “Все географические названия, независимо от их формы в литовском языке, склоняются. Тип склонения определяется на основании формальных признаков, характерных для русского языка” [64]. Согласно данной инструкции, топонимы *Тельшияй*, *Варняй*, *Расейняй* и др. склоняются как существительные мужского рода единственного числа (как *май*) [82]. Понятно, что в Литве, где подобные топонимы в силу тесного языкового контакта традиционно воспринимаются как существительные *pluralia tantum*, такая рекомендация вряд ли может быть принята.

Сопоставление трех изданных в разное время в Литве инструкций по транскрибированию литовской ономастики показывает, что они содержат значительную общую часть, касающуюся не вызывающей никаких сомнений транскрипции литовских согласных и части гласных, а расхождения в их предписаниях в основном связаны с проблемой передачи литовского *e* после согласных и транскрипцией литовских заимствованных имен. Рассмотрим подробнее эти расхождения.

В ИН-72 предписывалось передавать литовские *e*, *e* после согласных через *я*: *Zenkevičius* — *Зянкявичюс*, *Šerkšniėnė* — *Шяркишнене*, *Kęstutis* — *Кястутис* [88–89]. Исключение делалось для литовского *e* в словах иноязычного происхождения, “когда обозначается звук [e], произносимый более узко (закрыто), чем краткий [e] в литовских словах” [89]. В этом случае литовскому *e* должна была соответствовать русская буква *e*: *Genė* — *Гене*, *Henrikas* — *Генрикас*, *Žaneta* — *Жанета*, *Blecherienė* — *Блехерене* [там же]. Дифтонг *ei* после согласных следовало передавать через *ей*: *Doveika* — *Довейка*, *Deimantas* — *Деймантас*, *Žeimys* — *Жеймис*, *Meilė* — *Мейле* [95]. Литовскому сочетанию *je* в начале слова и после гласных соответствовало русское *я*: *Jeronimas* — *Яронимас*, *Kajetonas* — *Каятонас*, *Kraujelis* — *Крауялис*, *Bajerčiaiūtė* — *Баярчюте*. В словах иноязычного происхождения сочетанию *je* в тех же по-

зияциях соответствовало русское *е*: *Jelinas* — *Елинас*, *Jegeris* — *Егерис*, *Krejerienė* — *Креерене* [99].

ИН-85 в большей мере ориентировалась на реальное звучание слова и предлагала передавать литовское *е* после согласных в зависимости от ударности/безударности: литовским *е*, *е̇* здесь соответствует русское *я* в ударном слоге и *е* – в неударном: *Lėonas* — *Ляонас*, *Pėtras* — *Пятрас*, *Kęstas* — *Кястас*, *Nėmunas* — *Нямунас*, *Putėlis* — *Путялис*, но *Bernatāvičius* — *Бернатавичюс*, *Lelijà* — *Лелия*, *Genovaitė* — *Геновайте*. Исключение делалось для женских фамилий, образованных от мужских, где литовское *е* находится в ударном слоге, а также для иных имен собственных, произведенных от имен (в широком смысле) с ударным *е*: *Mačjavičute* (от *Mačjavičius*), *Путялене* (от *Путялис*), *Чяпайте* (от *Чяпас*), *Пятрайтис*, *Пятраускас*, *Пятронеле* (от *Пятрас*), *Нямунайтис* (от *Нямунас*), *Кястутис* (от *Кястас*), *Ляонавичюс* (от *Ляонас*) [106]. В словах иноязычного происхождения ИН-85, как и Ин-72, предписывала передавать литовское *е* через русскую букву *е*, дифтонг *еі* во всех случаях — через *ей*, и в остальном отличалась от своей предшественницы лишь в каких-то частностях⁴.

Следует отметить, что § 46 ИН-85, предусматривающий передачу литовского *е* в транскрибированных иноязычных словах через русскую *е*, сопровождается приложением — обширным списком женских и мужских имен [127–139]. Судя по русским соответствиям заимствованных литовских имен, составители инструкции предлагают не только передавать в них *е* через *е* вне зависимости от ударности/безударности гласного, но и отмечать мягкость согласных в соответствии с традициями русского написания таких имен, а также “восстанавливать” двойные согласные, которых нет в литовском языке: *Odeta* — *Одетта*, *Irena* — *Ирена*, *Angelė* — *Ангеле*, *Gema* — *Гемма*, *Helga* — *Хельга*, *Inesa* — *Инесса*, *Renalda* — *Ренальда*, *Teresė* — *Тереце*, *Benediktas* — *Бенедиктас*, *Regimantas* — *Регимантас*, *Mečys* — *Мечис*, *Leopoldas* — *Леопольдас* и т. п.

Наиболее радикальной в отношении транскрибирования литовского *е* оказалась ИН-90, предписывающая во всех случаях, вне зависимости от положения в ударном/ безударном слоге и происхождения слова, передавать *е*, *е̇* после согласных через русскую *я*. С одной лишь характерной оговоркой в виде примечания к § 47: “По настоянию самого носителя фамилии, имени гласную *е* после согласных в личных именах собственных можно транскрибировать на русский язык буквой *е*” [104]⁵.

На практике ИН-90, жестко предписывавшая передачу *е* (не в составе дифтонга *еі*) во всех случаях русской буквой *я* и точное копирование

написания литовских заимствованных имен⁶, не только не устранила разноречивой в передаче литовской ономастики, но даже увеличила его. Со времени издания ИН-90 прошло более 20 лет, но и сразу после выхода в свет ее предписания соблюдались по преимуществу в официальных инстанциях: при публикации законов, постановлений, в учреждениях, связанных с регистрацией актов гражданского состояния и т.п. Однако в русскоязычных СМИ, художественной и научной литературе на русском языке принцип передачи литовского безударного *e* после согласных через *я* постоянно нарушался.

По моим наблюдениям, помимо государственных органов и учреждений, связанных с законодательством и метрикой, транскрипций с *я* строго придерживались и придерживаются, в частности, на железнодорожном транспорте. Так, государственная компания *AB Lietuvos geležinkeliai* транскрибируется как *АО Летувос гяляжинкяляй* и *АО Летувос гележинкяляй*, причем, судя по статистике *Google*, число русских написаний через *я* вдвое превышает число написаний данного наименования с *e*, что представляет собой довольно редкое явление в конкуренции вариантных транскрипций. В данном случае приверженность к *я* следует, видимо, объяснять стремлением к преемственности, единообразию и кодифицированности написания употребляемых наименований в силу особенностей межгосударственного транспортного сообщения. Отмечу попутно, что передача литовского *e* через *я* характерна в первую очередь для наименований железнодорожных станций: в свое время регламентированное написание жестко предписывалось обязательной для исполнения инструкцией как в Литве, так и за ее пределами, транскрибированные названия фигурировали в вывесках и расписаниях, что поддерживало их некогда принятый кириллический облик. Ср.: *Расписание поездов по станции Тяльшяй — по данным системы “Экспресс”*. В Интернете в качестве официальной информации можно встретить даже такие казусы: *Железнодорожная станция Швянченеляй (в город Швенченеляй)* (<http://transport.marshruty.ru/Transport/Place/68291-Shvyanchenelyaj/>. 15.10.2012).

Попытаемся далее рассмотреть причины, по которым ИН-90 не смогла стать руководством к действию. Прежде всего, практическая транскрипция, в отличие от транслитерации, призвана передавать звучание, а не написание иноязычного имени собственного. Литовское *e* после согласных в положении под ударением действительно произносится близко к звуку, обозначаемому в русском языке буквой *я*. В безударном же положении оно ближе к *e*, чем к *я*, что и заставляет пишущих без всяких инструкций на слух записывать *Паневежис*, а не *Паняве-*

жис. Кроме того, обилие буквы **я** в русском тексте (через **я** передается и литовское сочетание **ia**) с большим количеством литовских имен собственных делает его неестественным⁶, трудным для восприятия. В этом смысле передача литовского **e** в безударном положении через русскую **e** представляется предпочтительной. Нельзя также не отметить, что литовское [e] по происхождению восходит к индоевропейскому гласному переднего ряда, как и русское [e], в то время как русский звук, обозначаемый буквой **я**, — это гласный непереднего ряда после мягкого согласного. Поэтому, к примеру, написание *Тельшийя* не только точнее передает реальное звучание литовского топонима, оно также ближе к его литовскому графическому облику (реверанс в сторону написания!), что небезразлично для распознавания оригинального названия на географических картах. Кроме того, оно вернее этимологически и сохраняет общность с историческими и/или иноязычными наименованиями города: русск. *Тельшии*, польск. *Telsze*. Поисковая система *Google* в ответ на запрос *город Тяльшийя* предупредительно осведомляется: “Возможно, вы имели в виду: *город Тельшийя?*”, что уже автоматически свидетельствует о большей частотности (в нашем случае — 7380 vs 129) написаний с **e**. Письменная речевая практика однозначно сделала выбор в пользу различения ударных и безударных **e** в русской транскрипции: **e** > **я** в ударном слоге и **e** > **e** в безударном⁷.

Отдельно следовало бы обсудить проблему сохранения безударного **я** в деривационно связанных словах, что предписывается всеми инструкциями. Безусловно, женская и девичья фамилии, образованные от мужской, где литовское **e** находится под ударением, должны сохранять общность, что достигается написанием **я** в корне вне зависимости от ударения (*Чя́пас* — *Чяпéне* — *Чяпáйте*). Дань демонстрации иных деривационных и этимологических связей, напротив, не представляется столь же необходимой.

Транскрибируемое слово бытует в заимствующем языке по преимуществу изолированно, представлено в нем не всей парадигмой словоизменения и вне гнезда родственных слов. Транскрипции обычно подлежит слово в исходной форме: для имен и фамилий это форма именительного падежа единственного числа, для ойконимов *plurality tantum* это может быть форма множественного числа, которая, будучи включенной в русский текст, не всегда воспринимается как таковая: *погода в Кайшиядорисе* (*Kaišiadorys* — мн. ч.), *староверы Швенчёниса* (*Švenčionys* — мн. ч.). Поэтому связь имени *Кестутис/Кястутис* с производящим именем *Кястас*, как и с глаголом *kęsti* ‘терпеть, страдать’, при любом написании имени для русского читателя неочевидна и не

обязательно должна приниматься к сведению. Какие-то потери при сравнении полнокровной жизни оригинального слова в языке-источнике с его обедненным присутствием в языке-приемнике неизбежны.

Отметим также, что принципы транскрибирования порой противоречат друг другу. Так, генетически родственные литовские имена и фамилии в результате транскрибирования согласно всем правилам передачи мягкости/твердости согласных также иногда утрачивают тождественность корневой морфемы (ср. *Вальдемарас* — *Валдас*; *Вилкас* — *Вилькене* — *Вилкайте*). Литовская фамилия *Пятрайтис* правомерно возводится к имени *Пятрас*, поэтому все три инструкции по транскрибированию предлагают передавать в ней литовское *e* через русскую *я*. Но вот уже фамилия *Петраускис* вызывает сомнение. Произошла она от литовского имени *Пятрас* или ее следует возводить к славянской фамилии *Петровский*? А всем ли известно, что имя *Petronijus*, приводимое в списке мужских имен в ИИ-85 [с. 137], — латинское по происхождению? Задача этимологизирования литовских имен собственных для выбора варианта их русского написания легла бы слишком тяжкой ношей на плечи авторов, журналистов, переводчиков.

На мой взгляд, нет необходимости и особо оговаривать передачу *e* в составе дифтонга *ei* как *ей*: на практике гласный *e* здесь подчиняется общему правилу транскрибирования: *e* в безударном слоге, *я* — в ударном⁸.

Нельзя также не коснуться принципов передачи литовских заимствованных имен (в широком смысле). При определении слова как заимствованного необходимо учитывать давность заимствования, степень его освоенности принимающим языком. Кто сейчас, помимо лингвистов-историков, знает, что такие русские слова, как *тетрадь*, *кровать*, *скамья*, *свёкла*, *огурец* — греческие по происхождению? При определении имен и фамилий как заимствованных и выделяемых при транскрибировании в особую группу также следует учитывать данные обстоятельства. Поэтому такие имена, как *Petras* и *Steponas* на синхронном уровне должны трактоваться как литовские и транскрибироваться согласно общим правилам. Что же касается литовских фамилий, значительная часть которых обладает признаками славянского происхождения, то, учитывая нередкие метаморфозы этих фамилий в сложных перипетиях истории Литвы и системный, а не единичный характер фамилий на *-avičius*, *-auskas*, *-auskis* и т. п., их также следует считать на синхронном уровне литовскими и соответственно транскрибировать: *Станкявичюс*, *Тишкявичюс*, *Мицкявичюс* (при наличии родственных славянских фамилий *Станкевич*, *Тышкевич*, *Мицкевич*).

В литовском именованном существе существует целый ряд иноязычных по происхождению имен, которые были заимствованы и русским языком, нередко из того же источника. Однако имена эти приходили в литовский и русский язык в разное время, различными путями, по-разному осваивались и включались в систему антропонимики принимающих языков, поэтому и звучание этих генетически родственных имен может расходиться в большей или меньшей степени. Не ставя себе целью дать полный список подобных соответствий и всех родственных по происхождению заимствованных литовских и русских онимов, приведем примеры наиболее популярных: *Adomas* — Адам, *Petras* — Пётр, *Elena* — Елена, *Ona* — Анна, *Morkus* — Марк, *Povilas* — Павел, *Rapolas* — Рафаил, *Teodoras* — Феодор (Фёдор), *Teklė* — Фёкла, *Mykolas* — Михаил, *Morta* — Марфа, *Jurgis* — Георгий (Юрий), *Jonas* — Иоанн (Иван), *Pilypas* — Филипп и т.п. Литовские имена, ставшие достоянием национального языка, естественно, транскрибируются в русском тексте согласно общим правилам. Однако при включении этих и подобных имен в русский текст их дают в традиционной для русского языка форме, если речь идет не просто о литовском личном имени человека, а об именах с всемирной “принадлежностью” субъекта/объекта номинации. Таковы, к примеру, имена христианских святых, названия воздвигнутых в их честь культовых сооружений, скульптурных и иных изображений, то же самое касается имен известных исторических деятелей, названий событий и т. п.: *Petro ir Povilo bažnyčia* — костел Петра и Павла, *šv. Antano gundymas* — искушение св. Антония, *Šv. Morkaus bazilika* — собор Св. Марка, *Šv. Elenos sala* — остров Св. Елены, *Baltramiejaus naktis* — Варфоломеевская ночь.

Когда речь идет о прошлых эпохах и известных исторических личностях, не всегда бывает просто определить их этническую отнесенность и, соответственно, национальную принадлежность имени или фамилии. В таком случае следует ориентироваться на существующую в русском языке традицию, предполагающую преемственность написания имени (имен) и фамилии одних и тех же лиц. Так, *Mykolas Kleopas Oginskis* (польск. *Michał Kleofas Ogiński*) в русском тексте следует передавать как *Михаил Клеофас Огинский*, невзирая на то, что обладатель этого имени был тесно связан с Литвой, занимал в Великом княжестве Литовском высокие государственные должности, вынашивал планы восстановления литовской государственности. В русскую историю, историю русской культуры именно так вошел автор известнейшего *полонеза Огинского* (“Прощание с Родиной”).

Для явно заимствованных имен, имеющих соответствия во многих западноевропейских именах, на мой взгляд, следовало бы вернуть

предлагавшееся в ИН-85 и отмененное ИН-90⁹ написание: с *е*, а не *я*, с двойными согласными и не зависящей от позиции мягкостью *л*. Иначе неизбежны случаи, когда для определения правописания такого имени по-русски пришлось бы выяснять национальную принадлежность его обладательницы (в случае с мужским именем показателем принадлежности к системе литовского языка является литовское окончание). Если же подобным заимствованным именам вернуть их привычный для русского языка облик, то проблем, а соответственно и разнобоя в написании, будет меньше. Нельзя также забывать о роли традиции в орфографии, которая также может диктовать написание имени или фамилии в устоявшейся, пусть и не санкционированной действующей инструкцией, форме. Назовем, к примеру, фамилию выдающегося литовского актера Донатаса Баниониса, чья фамилия до сих пор по-русски пишется по устаревшей ныне норме транскрипции¹⁰, поскольку эта фамилия уже вошла в таком виде в историю русской культуры.

Вышеизложенное позволяет сделать вывод, что в настоящее время при передаче литовских имен собственных в русском тексте наиболее приемлемыми являются принципы транскрибирования ИН-85, предусматривающие передачу литовского *е* после согласных через русскую *я* в ударном положении и через *е* — в безударном, однако без учета особого произношения звука в составе дифтонга *ei* и деривационных связей имени. Заимствованные имена следует передавать в принятой для русского языка орфографии, сохраняя в мужских именах литовские окончания. Необходимо также учитывать традиции написания в русском языке имен и фамилий известных исторических личностей, наименований событий и объектов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ ИН-85 в выходных данных представлена как исправленное и дополненное издание ИН-72, но на деле в ряде трактовок принципиально от нее отличается.

² В базе данных географических названий КНАВ зафиксированы лишь “правильные” названия районов *Расейнский*, *Мажейкский*.

³ По моим наблюдениям, подобные формы в последние годы становятся даже преобладающими. Ср. употребление прилагательного *Мажейкский/Мажейкяйский* в составе названия нефтеперерабатывающего завода: поисковая система *Google* в ответ на запрос выдает 8420 фиксаций наименования *Мажейкский НПЗ* и 43100 — *Мажейкяйский НПЗ* (15.10.2012). Безударное окончание литовского топонима в прилагательных типа *Мажейкяйский* (от *Mažeikiai*), *Расейняйский* (от *Rasėniai*) в русской устной речи оказывается под ударением, что в итоге сближает их с прилагательными, образованными согласно предписаниям ИН-90: *Панярйский* (от *Paneriai*), *Аникияйский* (от *Anykščiai*). Возможно, предпочтение, оказываемое сло-

вообразованию *Кедайняй* — *Кедайняйский* (*vs Кедайнский*), обусловлено его простотой и большей очевидностью родства производящего и производного слов.

⁴ Так, имя *Jeronimas* в ИН-85, в отличие от ИН-72, в транскрипции дается как *Еронимас*, а *Kajetonas* — *Каэтонас* [117], поскольку здесь они трактуются как заимствованные.

⁵ В прочих предписаниях данная инструкция в основном следует положениям ИН-72 и ИН-85.

⁶ Такого же мнения придерживается и составитель ТС, который предлагает всякое литовское *e* после согласного передавать через русскую *e*, а колебания в написании *e/я* неверно связывает со степенью известности именуемого объекта: “Большинство авторов предпочитает транскрибировать менее известные объекты с *e* (Утена), а более известные (чаще людей) — с *я* (Зинкявичюс)” [65].

⁷ В случае затруднения место ударения в литовском топониме в настоящее время легко проверить по Словарю географических названий [VŽ 2002], доступному и в Интернете.

⁸ Ср. в *Google* двукратно превосходящее употребление варианта *Мяйле Лукишене vs Мейле Лукишене* (15.10.2012).

⁹ Ср. предлагаемые ИН-90 в качестве образцовых транскрипции: *Виолята, Эугянюс, Хялга, Лорята, Иряна, Гянриэта, Вяроника, Ангяле, Трясе, Бяндиктас, Фяликкас, Филомяна, Цяцилия, Чясловас, Пульхярия, Хялмутас* и т. п.

¹⁰ Согласно старым нормам *io* передавалось не через *ё*, а через *ио*, что в русском языке, не знаящем дифтонгов, заставляло произносивших порождать в фамилии лишний слог.

СОКРАЩЕННЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ ИСТОЧНИКОВ

ИН-71 = *Инструкция по русской передаче географических названий Литовской ССР* (ГКИНП-66). Утверждена ГУГК 30.10.68. Москва: Известия, 1971 (сфера действия общеобязательная).

ИН-72 = *Инструкция по транскрибированию фамилий, имен и отчеств с русского языка на литовский и с литовского языка на русский язык* = *Pavardžių, vardų ir tėvavardžių transkripcijos iš rusų kalbos į lietuvių kalbą ir iš lietuvių kalbos į rusų kalbą instrukcija*: patvirtinta Lietuvos TSR Aukščiausiosios Tarybos Prezidiumo 1972 m. rugsėjo 18 d. nutarimu. Vilnius, 1972.

ИН-85 = *Инструкция по транскрипции фамилий, имен и отчеств с русского языка на литовский язык и с литовского языка на русский язык* = *Pavardžių, vardų ir tėvavardžių transkripcijos iš rusų kalbos į lietuvių kalbą ir iš lietuvių kalbos į rusų kalbą instrukcija*: patvirtinta Lietuvos TSR Aukščiausiosios Tarybos Prezidiumo 1972 m. rugsėjo 18 d. nutarimu: 2-as patais. ir papild. leid. (Lietuvių kalbos komisijos patikslinimams ir papildymams pritarė Lietuvos TSR Aukščiausiosios Tarybos Prezidiumo 1985 m. gegužės 29 d. nutarimu). Vilnius : Mokslas, 1985.

ИН-90 = *Инструкция по транскрибированию фамилий, имен и географических названий с русского языка на литовский язык и с литовского языка на русский язык* = *Pavardžių, vardų ir vietovardžių transkripcijos iš rusų kalbos*

į lietuvių kalbą ir iš lietuvių kalbos į rusų kalbą instrukcija. Vilnius: Mokslas, 1990.

ТС = *Исследования стран Балтии: Опыт составления терминологического словаря* / Сост. А.В. Барсова. Санкт-Петербург. 2006–2007. Доступ в Интернете: <http://www.genlingnw.ru/Staff/Dubasava/balt.pdf>, <http://www.genlingnw.ru/Staff/Dubasava/biblio.htm> (15.10.2012).

КНАВ = *База данных географических названий КНАВ*. Доступ в Интернете: http://www.eki.ee/knab/p_mm_ru.htm (15.10.2012).

VŽ = *Vietovardžių žodynas* / Rengė A. Pupkis, M. Razmukaitė, R. Miliūtė. – Vilnius: Mokslo ir enciklopedijų leidybos inst., 2002. Доступ в Интернете: <http://vietovardziai.lki.lt/> (15.10.2012)

ЛИТЕРАТУРА

Гиляревский Р.С., Старостин Б. А., 1985: *Иностранные имена и названия в русском тексте*: Справочник. 3-е изд., испр. и доп. Москва: Высшая школа.

Синочкина Б.М., 1990: Литовская топонимика и грамматические нормы русского языка, in: *Kalbotyra*, № 41 (2). 17–24.

Суперанская А.В., 1978: *Теоретические основы практической транскрипции*. Москва: Наука.

Сухотин А.М., 1935: О передаче иностранных географических названий, in *Вопросы географии и картографии*. Сб. 1. Москва, 136–146.

Щерба Л.В., 1958: Транскрипция иностранных слов и собственных имен и фамилий, in Щерба Л.В. *Избранные работы по языкознанию и фонетике*. Т. 1. Ленинград, 40–53.

E-mail: sinochkina@gmail.com

Октябрь 2012 г.

BIRUTE SINOCHKINA

Rendering of the Lithuanian Proper Names in Russian Texts Reconsidered

The article analyzes the principles of transcription of Lithuanian anthroponymy and toponymy in the Russian language. The existing guidelines for Lithuanian-Russian transcription are examined in light of the current writing practices. The analysis is primarily concerned with the rendering of the Lithuanian letter *e* after consonants and the spelling of borrowed names in Russian. Suggestions for the improvement of the principles of transcription are also provided.

Keywords: Lithuanian-Russian transcription of Lithuanian anthroponymy and toponymy.